

Россия -
2003 - 23 янв -
с. 9

Галина Вишневская:

«Хочу вернуть все, что накопила»

Диана Редкая

24 и 25 января в Центре оперного пения Галины Вишневской на Остоженке состоится премьера оперы Глинки «Руслан и Людмила» с участием солистов – учеников Галины Павловны и Государственного симфонического оркестра под управлением Владимира Понькина. Предстоящая постановка – своеобразный экзамен, который будут держать студенты Центра по окончании первого семестра.

Госпожа Вишневская в Москве наездами: месяц занимается с учениками, потом возвращается в Париж к мужу. Через какое-то время – опять в Москву. Здесь она живет в плотном графике – все-таки 25 студентов, и каждому надо уделить максимум внимания. Галину Павловну мало интересуют встречи с прессой: «Вот если придут в Центр оперу послушать, тогда другое дело...»

Пообещав послушать, я явилась прямо на урок. Слава богу, меня не выгнали. Она – стройная, подтянутая брюнетка в брючном костюме – никак не выдает дела на свои «за семьдесят». Меня предупреждали, что нрав – суровый. Но нет – открытая улыбка...

– Галина Павловна, насколько мне известно, вы приехали в Москву перед Новым годом? С кем отмечали праздники?

– В том-то все и дело, что мы впервые почти полным семейным составом собрались в Москве на новогодние праздники. Одиннадцать человек – шесть внуков, две дочери, один зять и нас двое.

– Кто где живет?

– Мы с Ростроповичем – в Париже, дочь Ольга с двумя детьми – в Америке (мы редко видимся), Лена с чешьярмья – в местечке под Парижем. Все внуки – пять мальчиков и одна девочка – родились в Америке. Я надеюсь, что мои внуки полюбят Россию. Обязаны полюбить.

В общем, мы все в один момент собрались и прилетели в Москву. Сразу с аэродрома сошлись поехать на дачу, но мой муж почему-то потащил всех в мой оперный центр, мол, показать детям. Я удивилась: что за срочность, почему не завтра – оказывается, меня ждал сюрприз. Подъезжаем – подъезд освещен, свет в зале. Думаю, что такое, может, концерт какой, может, помещение сдали...

Входим, а там полно народу с цветами, Ельцин

Центр оперного пения – такое не удалось даже Шаляпину

МИХАИЛ РАМАНОВИЧ

с супругой – нас встречают. Я Ельцина очень люблю. Он для меня «Батя Хованский» – такой могучий русский человек. И не надо забывать, что он сам предложил стране Путина. Очень жаль, что его подвело здоровье... Так вот, выводят меня на сцену и торжественно объявляют день рождения Татьяны – пятьдесят лет назад я вышла на сцену Большого театра и спела Татьяну.

– Татьяна стала вашей визитной карточкой...

– Безусловно. Татьяна сопровождает меня всю жизнь, и все значительные события были связаны с этой ролью. Первая роль в Большом – в 1952 году, последняя – в 1982 году, когда моей Татьяне исполнилось тридцать лет. Я ее спела и ушла с оперной сцены. Навсегда. И больше никогда в костюме на сцену не выходила. Были только концертные выступления, как, например, в Гранд-опера, но это не опера... Все считают, что Татьяна – это моя самая любимая роль. Конечно, это моя партия. Конечно, я ее люблю. Первая любовь – это тоже Татьяна. И первая услышанная опера – «Евгений Онегин». Началось с того, что в девять лет я получила набор пластинок – и там была опера «Евгений Онегин». Я выучила всю ее наизусть и пела с утра и до ночи пушкинские стихи. В девять лет – все партии: и за Ленского, и за

Онегина, и, естественно, за всех женщин.

Имея пылкое воображение, я влюбилась в десятилетнего мальчишку и написала ему письмо: «Я вам пишу...» Отправила с посылным. А сама на перемене не знала, куда деваться, что он мне скажет? Ну прямо сцена в саду: «О боже, что подумал он...» А он шел по коридору в сером костюме, вихрь волос расчесан на прямой пробор. Время тогда было бедное – я ходила в туфельках, связанных бабушкой из веревок. А он... Настоящий костюм – брюки и пиджак! Единственный в школе костюм! Онегин явился в наше провинциальное общество... Может, поэтому я и влюбилась? Он прошел мимо и даже не посмотрел на меня. Дуррак такой! Письмо на двух листах – старалась, списывала с Пушкина, буквы выводила, а он и не заметил! На всю жизнь запомнила. Когда я поступила в театр, мне сразу дали петь Татьяну. Удивительный образ – по искренности, по цельности натуры и жертвен-

ности. И естественно. Потому что Татьяна жертвует – «я другому отдана», но для нее это нормально. И иначе быть не может.

– А для вас? Вы похожи?

– И для меня, наверное. Я не люблю пафосные восклицания. И бичение себя в грудь, мол, то-то сделала и то-то. Да, я много чего в жизни сделала, но никогда не выставляла себя героиней.

– Не скромничайте, Галина Павловна, вы героиня. Только за то, что на вашей даче жил Солженицын...

– Да. Тогда все газеты только об этом и писали. Представляете, жил бы Солженицын во Франции у кого-нибудь на даче – ну и что? Пустил хозяин – живи. А здесь же целую историю раздули: враги народа и черт знает что еще. Мы вынуждены были уехать, нас просто вытолкнули – с двумя детьми и собакой Кузей. За что Ростропович вынужден был оставить свой дом? Почему я должна была бросить театр? Я не могла с этим жить, мне надо

было выговориться, всем рассказать: почему это могло случиться и почему именно в Советском Союзе, – вот я и написала книгу, хоть я и не писатель.

– Признайтесь задним числом: не слишком большая расплата за дружескую услугу? А много ли теперь у вас друзей?

– Все это уже не важно. У меня всегда было мало друзей, а у Славы – полно. Все, с кем он на брудершафт выпьет, про жизнь поговорит, – уже друзья. А я считаю, что друзья проверяются временем.

– Вы до сих пор в обиде на родину?

– Я долго злилась. И не скучала вообще. Злость и обиды прошли только после того, как Большой театр пригласил меня отметить в его стенах 45-летие творческой деятельности. Вышла на сцену – и душевно выздоровела. Это как свидание с молодостью – только добрые воспоминания...

И вот в этом году, через пятьдесят лет после первого выхода на сцену Большого театра, я вошла в свою школу. Как я этого ждала!

– Вы говорите об этом с такой гордостью...

– Еще бы! Столько лет строилась! Такой школы по программе, по дисциплинам в мире не существует. Как Шаляпин мечтал открыть что-то подобное. Не смог. Он на Западе начинал с нуля, лишь бы выжить. Мне, конечно, повезло. Жизнь

сложилась успешно. Меня вырастила Россия, я очень много получила от педагогов, от артистов, которых я слушала и любила: Рихтер, Гилельс и мой муж – Ростропович, с которым я 47 лет вместе. Я все самое главное получила от России и теперь хочу русским певцам вернуть. Вернуть все, что накопила благодаря свободе, – артисту очень важно быть свободным: путешествовать – смотреть, слушать и петь в разных театрах. И сегодня я хочу научить студентов сразу выходить на сцену.

– Где вы живете, пока даете уроки?

– Здесь же. Наверху. Поднялась на лифте – тапочки, халат; переступила – и опять вниз.

– У вас идеальный костюм, но нет никаких украшений. Не любите?

– Люблю и имею. Но каждый раз на таможене заполнять декларацию – что за крест, что за часы – не могу, раздражаюсь. Если и надеваю, то фальшивые. Вот обидно будет – получить по голове за подделку...

– Вы любите подарки? Чем вас побаловал муж на Новый год?

– Я получила удивительный подарок от Славы, он запасся им давно, но терпел и не проговорился, что на аукционе выкупил уникальные материалы из архива русского по происхождению танцовщика Гранд-опера Сержа Лифаря. Это письма и фотографии Шаляпина. Я пообещала мужу не прятать этот подарок и уже в ближайшее время как-то их опубликовать. Потому что эти вещи должны принадлежать России. Меня расстраивает отношение русских к своей родине. Пугает отсутствие профессионализма – это касается и вокальной школы. Нельзя жить по принципу: временно. Будто собираешься уехать, и здесь можно мусорить, плеваться. Нельзя просто петь, не занимаясь этим серьезно. И моя задача – хотя бы научить петь.

47 лет в едином строю

Вишневская Галина
23.01.03